

УДК-355.359.5

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82

ТИТОРЕНКО Марина Федоровна

Краснодарский филиал Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
luchshiitour911@yandex.ru

Marina F. TITORENKO

Krasnodar Branch of Financial University under the
Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
luchshiitour911@yandex.ru

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ**KUBAN COSSACKS IN THE SERVICE OF
THE FATHERLAND CASE**

Война между Россией, Турцией и Ираном за Северный Кавказ завершилась в пользу России. Геополитическое расположение региона требовало укрепления позиций России в беспокойном крае. Надежным щитом в решении этого вопроса на большей части Северного Кавказа стали кубанские казаки. На Линиях (Старой и Новой) распорядок жизни казаков подчинялся военному режиму, обусловившему историческую разумность, обеспечившему выживание в новых условиях. Бюрократизация управления в общегосударственном масштабе способствовала усилению власти над организационными структурами казачества. Порядок формирования частей и сроки строевой службы в новых исторических условиях менялись. Во второй половине XIX в. казаки столкнулись с проблемой комплектации казачьих структур, для выхода из сложившейся ситуации был введен новый (жеребьевый) порядок несения полевой службы казаками. В результате военных реформ статус казачьих формирований заметно снизился, военное начало угасало. Мобилизационные возможности казаков по отбыванию воинской повинности становились все обременительнее. Вместе с тем высокие моральные качества, преданность России, чувство долга, боевая выучка, чувство собственного достоинства, занимавшие ведущее место в иерархии казачьих ценностей, выступали основополагающими категориями при подготовке достойных защитников Отечества. Лучшим из них предоставлялось право нести службу в конвое императора, Варшавском дивизионе, Бельведерском дворце и др. При повышении в чинах учитывались выслуга лет, усердие, образование.

The war between Russia, Turkey and Iran for the North Caucasus ended in favor of Russia. The geopolitical location of the region demanded the strengthening of Russia's positions in the troubled region. The Kuban Cossacks provided the reliable shield in most parts of the North Caucasus. On the Lines (Old and New) the Cossacks' daily life was led according to the historically dictated military regime, which ensured the survival in the new circumstances. The procedure of units' formation and terms of military service changed frequently in the new historical conditions. As a result, in the second half of the XIX century the Cossacks faced the problem of completing the Cossack units. In order to solve this problem a new (drawing kind) procedure of the Field Service for Cossacks was introduced. As a result of the military reforms the status of Cossack units declined significantly, the military spirit began to fade. The Cossacks' mobilization possibilities of military service became more and more of a burden. However, the high moral basis, devotion to Russia, sense of duty, combat training, self-esteem, which took a leading position in the hierarchy of the Cossacks' values, were fundamental categories in the preparation of decent defenders of the Fatherland. The best of them were granted the right to serve in the emperor's convoy, in the Warsaw division and the Belvedere Palace, and others. When it was time to be promoted in ranks, the length of service, hard work and education were taken into account. The bureaucratization of management on the national scale helped strengthen the power upon the Cossacks' units, which led to the extinction of the military spirit of the Cossacks and lower mobilization readiness.

Ключевые слова: кубанские казаки, служба, обязанность, реформы, политика, «огосударствление», дивизион, императорский конвой, офицеры, дворяне, полицейские функции.

Keywords: Kuban Cossacks, service, duty, reforms, policy, "nationalization", division, imperial guards, officers, sergeants, nobles, police function

Завершение многовековой борьбы между Россией, Турцией, Ираном и другими государствами в пользу России за сферу влияния на Северном Кавказе определило направленность российской политики в регионе. На первом этапе политика Российской империи по отношению к горцам Северного Кавказа носила характер «ласканий». Российские власти, региональные и столичные, стремились различными способами «умиротворить» горские народы, сулили выгоды от русского подданства [1]. Вместе с тем Россия оставляла за собой право применять силу, если существовала угроза ее безопасности, а действия и интересы горцев вступали в противоречие с российскими. Ее отношения с северокавказскими народами в этот период представляли собой сложное переплетение антироссийских выступлений и присяги на «подданство», борьбы с «неверными» и заключения договоров о сотрудничестве. Для упрочения своих позиций, обусловленных в первую очередь геополитической необходимостью, России важно было укрепить стратегические пути, соединяющие Северный Кавказ с Закавказьем, обеспечить безопасность южных рубежей и выход к Черному морю. Реализовать планы удалось путем строительства оборонительных сооружений и укреплений вдоль Старой и Новой Линий, заселения земель, обретенных в ходе длительной борьбы с Турцией, казаками, как наиболее мобильной и приспособленной к жизни в экстремальных условиях группы населения России.

Важное место в управлении казачьих общин в момент переселения на новые земли занимало военное начало. Порядок и структура управления определялись стремлением имперской России создать опору власти в лице казачьей верхушки [2]. При этом для линейных казаков приказы непосредственных начальников довольно часто были важнее и понятнее россий-

ских законов, так как военный режим держал их в границах возложенных обязанностей. При этом Северный Кавказ все отчетливее становился «тыловой территорией Российской империи». Добровольная служба для казаков превращалась в государственную обязанность, влияние со стороны правительственных структур на казачество с каждым годом усиливалось. Издавались десятки распоряжений, формировались новые полки, станицы переводились из одного полка в другой, из бригады в бригаду. Изменился порядок формирования строевых частей и значимость родов войск. Казаков все чаще привлекали к несению полицейской службы. Произошло уравнивание в выплате жалования офицерам строевых частей казачьих войск с офицерами регулярной армии. Указом Александра II (1856) были ограничены права казаков на получение дворянского титула. Лишь дослужившись до чина полковника или капитана первого ранга (4 класс), они могли получить потомственное дворянство на действительной военной службе, остальные казачьи офицеры получали личностное дворянство [3]. Становление кубанского казачества от истоков до устья реки Кубань проходило под влиянием правительственных мер, воздействием исторических и социально-экономических условий, параллельно шло его «огосударствление».

В 1861 г. дивизион, укомплектованный казаками Кубанского казачьего войска, в рамках проводимых реформ был переименован в Кубанский казачий дивизион при Первой армии. Для службы в дивизионе отбирали лучших казаков из числа урядников и офицеров от разных полков. Казаков дивизиона командировали в различные части, они числились на действительной военной службе. В обязанности казаков дивизиона входило сопровождение главкома Первой действующей армии, наместника Царства Польского, командующего войсками Варшавского военного округа, они несли караульную службу в королевском замке и Бельведерском дворце. В общевоинском плане дивизион подчинялся походному атаману донских казачьих полков, позже - начальнику штаба Варшавского округа. Выправка и выучка кубанских казаков Варшавского дивизиона была предметом восхищения на смотре войск Варшавского военного округа. Генерал-инспектор кавалерии отмечал: «Кубанцы показали себя отлично, хорошо маневрировали, быстро и качественно выполняли боевую задачу» [4].

Кубанские казаки достойно несли службу и в конвойной сотне императора, охраняли его семью. В конвое, как правило, отбирали казаков из зажиточных семей, примерного поведения, отличившихся на службе, здоровых, видных лицом, ростом 177-191 см, не старше 30 лет. Это были проверенные и преданные престолу люди, боевые и физически крепкие. Служба в конвое считалась почетной, по возвращении в станицы к конвойцам относились с особым уважением. Тех, кто с отличными успехами служил в императорском конвое не менее четырех лет, награждали золотой или серебряной медалью с надписью «За усердную службу в Собственном конвое Государя Императора». Кроме того, казаков дивизиона направляли в специальные команды для несения службы при командующем войсками Кавказского военного округа. Кубанские казаки служили при Российской императорской миссии в Персии, Азербайджане, Афганистане, при консульствах. Численность казаков дивизиона с каждым годом увеличивалась, этого требовала сложность внутривойсковой обстановки и необходимость усиления охраны чиновников миссии за границей [5].

Положение 1870 г. регулировало несение службы казаками в новых исторических условиях. Ее срок в пределах Кавказского края устанавливался командующим войсками округа, вне его пределов - военным министром. Согласно положению, казаков приговорительного разряда стали распределять на «первоочередных» и «дальнеочередных», был ликвидирован всеобщий характер полевой (строевой) службы казаков и введен жеребьевый. Для поступления на 15-летнюю полевую службу, при отсутствии необходимого числа добровольцев, среди 19-летних казаков проводилась жеребьевка (жеребьевый порядок призыва на действительную службу в Кубанском войске просуществовал до 1882 г.). Наряды на полевую и кордонную службу зависели исключительно от потребностей государства и неуклонно возрастали. Условия отбывания воинской повинности становились непосильными для большинства семей, нередко приводили к их разорению. Частично облегчил положение казаков Устав о воинской повинности (1875). В нем сохранялся «... прежний принцип приобретения лошадей, вооружения и снаряжения за счет самих казаков, но при этом предусматривался механизм возмещения понесенного казаками ущерба в ходе военных действий» [6].

К середине 80-х годов XIX в. казачьи войска столкнулись с острой проблемой комплектации строевых частей. Для выполнения воинских обязанностей у казаков уже не хватало мобилизационных возможностей. Воинская повинность в условиях развивающегося капитализма стала для них еще более обременительной. Трудно стало совмещать воинскую повинность и продуктивное ведение хозяйства. Согласно положению «О военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск» (1882), служилый состав войска стал делиться на три разряда: приговорительный, строевой и запасной; изменились сроки пребывания в каждом из них. В приго-

товительном разряде казаки находились 3 года, в строевом и на действительной службе - 4 года, на льготе - 8 лет, в запасном разряде - 5 лет. Общий срок службы составлял 20 лет. От казаков, прибывших на действительную службу, требовали, чтобы «... лошади были в хороших телах, ружья, патроны, шашки, кинжалы и подсумки были приведены в исправность», чтобы у каждого имелись боевые патроны в полном комплекте, «в надлежащей чистоте и образцовом виде находились ружья и форменное обмундирование» [7].

Служба казаков требовала все больших затрат. Снаряжение определялась суммой более 100 руб., средняя лошадь стоила столько же. За годы службы казакам приходилось несколько раз обновлять снаряжение и приобретать лошадей (на это уходила большая часть семейного бюджета, довольно часто весь бюджет). В годы войн из каждой казачьей семьи нередко одновременно призывались на службу несколько человек. Земельные наделы уже не покрывали расходов, связанных со службой. За убитую лошадь во время прохождения службы казачьим офицерам и медицинским чиновникам из государственной казны выплачивали по 43 руб., рядовым казакам и фельдшерам - по 21 руб. 45 коп. Строевые части Кубанского казачьего войска подчинялись непосредственно наказному атаману и командующему войсками Кавказского военного округа. Находясь на действительной службе за пределами Кавказского округа, они в установленном порядке подчинялись начальникам тех округов, на территории которых располагались. Довольствие получали из войсковой казны со дня выхода на службу. Его выдача прекращалась по прибытии «на роспуские пункты» (плюс один день для осмотра). На строевых и упряжных лошадей выделялось фуражное довольствие. Отставные казаки не могли отлучаться за пределы войска без разрешения войскового начальства.

Подготовка офицеров для службы в строевых частях и на административных должностях велась в Ставропольском юнкерском училище. В училище принимали преимущественно детей потомственных и личностных (личных) дворян (120 мест: 70 - кубанцы, 20 - терцы, 30 - Кавказская кавалерийская дивизия). При юнкерском училище находился полевой лагерь для прохождения практики (устройство укрытий, строй, устройство и применение оружия, верховая езда, джигитовка, ковка лошадей). С 1898 г. офицеров Кубанского и Терского казачьих войск готовили в Донском и Владикавказском кадетских казачьих корпусах и в Майкопской артиллерийской школе [8].

Преимуществом при повышении в чинах пользовались казаки, успешно окончившие курсы в учебных командах и пробывшие на службе или в местной команде более одного года. Дети казаков производились в хорунжие по выслуге 12 лет на походной службе (в действительной армии) или 20 лет на канцелярских должностях при хорошем поведении, усердии в службе и значимых делах [9]. Дети потомственных дворян начиная с 16-летнего возраста беспрепятственно принимались в казачьи полки для прохождения воинской службы или на канцелярские должности. Льготой при производстве в высшие офицерские и генеральские чины пользовались лица, окончившие военные учебные заведения. Рядовых служащих в мирное время к повышению в чинах представлял наказной атаман, в военное, за особые отличия - начальство, которому непосредственно подчинялся полк: учитывались сроки службы, храбрость, способности. Производство в урядники состоявших на действительной службе за пределами войска представлялось командирам частей, в местных - наказным атаманам. Инициаторами продвижения казаков по службе выступали бригадные командиры, чему в значительной степени способствовал уровень образования (в Кубанском казачьем войске основная масса офицерского состава к концу XIX в. имела специальное военное образование).

В рамках военной реформы в российской армии была введена новая система военных званий и чинов. Для казачьих войск разработали практическое пособие по обучению казаков приговорительного разряда наездничеству, считавшемуся лучшей школой «для развития духа и тела». Спецификой кубанского казачества в вопросах наездничества были вольные индивидуальные и групповые упражнения («пирамида», «вертушка», вращение шашки, стоя в седле и др.). Слаженность движений и быстрота их выполнения, доведенная до автоматизма, являлись предметом восхищения во всем мире.

Отметим, что воинская повинность для казаков в мобилизационном плане была в три раза тягостнее, чем для остального населения России. При уходе в запас они обязаны были содержать в боевой готовности обмундирование, снаряжение и строевого коня для ежегодных сборов продолжительностью в три-четыре недели. Казаков внутренней службы привлекали к выполнению повинностей, не прописанных в уставах и положениях. За отказ от несения внутренней службы атаман станицы мог отдать казака под следствие или судить по закону [10]. В пореформенный период взамен внутренней службы казаки могли вносить в станичную казну от 50 до 100 рублей или делать «натуральные вспоможения» (в этом случае их освобождали на один-два года, вместо них службу несли наемники). Казакам, отбывающим внутреннюю службу, вменили в обязанность полицейские функции (за это у исследователей советского периода казаки получили «статус душителей революции, полицейского кнута самодержавия»). В годы ре-

волюционных потрясений казачьи подразделения находились на действительной службе под воинской присягой (в их обязанности входила защита существующего режима, подчинение командирам). В 1905-1907 гг. казаков привлекали для подавления революционных выступлений. Справедливости ради укажем, что из общего количества военных подразделений, участвовавших в расправе с восставшими, в 1905 г. казаки составляли 11,7%, в 1907 г. - 12,6% [11].

В Первую мировую войну, несмотря ни на что, Кубанское казачье войско выставило 37 казачьих полков, 22 пластунских батальона, 6 батарей, 31 особую сотню, 5 кубанских казачьих конвоев. Все они находились в действующей армии и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Различную гарнизонную и тыловую службу несли 20 кубанских отдельных сотен. В пределах войска находились еще 4 запасных казачьих полка, 3 запасных пластунских батальона, 1 запасная батарея [12]. В Первую мировую войну погибли 71 298 русских офицеров, значительную их часть составляли казаки (за 8 месяцев - 32 739 чел.). В 1916 г. в Кубанском войске числилось 1 400 тыс. казаков. Службу несли 41 полк, 1 пеший и 2 конных дивизиона, 27 батальонов, 10 батарей и 35 сотен.

События 1917 г. развели казаков по разные стороны баррикад. Система назначений на руководящие командные посты в армии обрела политический характер, «во главу угла ставилась революционность». Под влиянием большевистской пропаганды среди казаков началось противоборство между сторонниками и противниками новой власти. Большая часть казаков при этом сохраняла нейтралитет.

Таким образом, законодательные акты и военные реформы, регламентирующие различные стороны жизни казачества, привели к глубочайшему кризису их систему жизнеобеспечения, ослабили боевую мощь. Приращение значения казачьих формирований до роли вспомогательных войск привело к тому, что высшие командные чины утратили опыт управления крупными соединениями, снизилась численность казаков на действительной военной службе. Вместе с тем воинская дисциплина, чувство долга перед Отечеством даже в годы революционных потрясений были для казаков неизменны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виноградов В.Б., Приймак Ю.В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772 -1829 гг.). - Армавир, 2016. - С. 159.
2. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. - Екатеринбург, 1913. - С. 104.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т.31. № 31236.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 3411. Л. 2-3-об.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7780. Л.4-4-об.
6. Матвеев О.В. Военное дело / Очерки традиционной культуры казачества. Т.1. - М.-Краснодар, 2002. - С. 412.
7. Омельченко И.А. Терское казачество. - Владикавказ, 1991. - С. 113.
8. Козлов В.Н. Подготовка офицерских кадров кавказского казачества во второй половине XIX века / Казачество как фактор исторического развития России. - СПб., 1999. - С. 122, 124.
9. Козлов В.Н. Возрождение казачества. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 98.
10. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР). Ф. 4. Д. 55. Л. 43, 48.
11. Футорянский Л.И. Казачество на рубеже веков. - Оренбург, 1997. - С. 111.
12. Трут В.П. Казачий излом. - Ростов-на-Дону, 1997. - С. 63.

REFERENCES

1. VINOGRADOV V.B., PRIYMAK YU.V. AN ETHNOPOLITICAL SITUATION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF A FACTOR OF ACCESSION TO RUSSIA OF THE CRIMEAN KHANATE (1772 -1829). ARMAVIR, 2016. P. 159.
2. SHCHERBINA F.A. HISTORY OF THE KUBAN COSSACK ARMY. T.1. EKATERINODAR, 1913. P. 104.
3. COMPLETE COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE. T.31. № 31236.
4. PUBLIC RECORDS OFFICE OF KRASNODAR KRAI (FURTHER GAKK). T. 396. Оп. 1. 3411. L. 2-3-об.
5. GAKK. T. 396. Оп. 1. 7780. L.4-4-об.
6. MATVEEV O.V. MILITARY SCIENCE//SKETCHES OF TRADITIONAL CULTURE OF KAZACHESTVO. T.1. M - KRASNODAR, 2002. P. 412.
7. OMELCHENKO I.A. TERSKOYE COSSACKS. VLADIKAVKAZ, 1991. P. 113.
8. KOZLOV V.N. PREPARATION OF OFFICER SHOTS OF THE CAUCASIAN COSSACKS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY//COSSACKS AS A FACTOR OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA. SPB., 1999. PP. 122, 124.
9. KOZLOV V.N. REVIVAL OF THE COSSACKS. ROSTOV-ON-DON, 1995. P. 98.
10. PUBLIC RECORDS OFFICE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC (PROKCR). F.4. 55. L.43,48.
11. FUTORYANSKY L.I. COSSACKS AT THE TURN OF THE CENTURY. ORENBURG, 1997. P. 111.
12. TRYT V.P. COSSACK BREAK. ROSTOV-ON-DON, 1997. P. 63.

Информация об авторе

Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра «Философия, история и право», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
luchshiitour911@yandex.ru

Получена: 11.12.2016

Для цитирования статьи: Титоренко М. Ф., Кубанские казаки на службе отечеству. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 78-82.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82.

Information about the author

Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department "Philosophy, History and Law", Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
luchshiitour911@yandex.ru

Received: 11.12.2016

For article citation: Titorenko M.F., Kuban cossacks in the service of the fatherland. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 78-82.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82. (in Russian)